

Ананьев Андрей Геннадьевич, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», ЧОУ ВО
«Московский университет имени С.Ю. Витте» (филиал в г. Рязани), г. Рязань

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ОГОВОРКИ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ДОГОВОРЕ

Аннотация: В статье рассматривается правовой феномен в договорной работе, направленный на регламентацию взаимоотношения участников отношений по предотвращению коррупционных проявлений. В работе делается вывод о востребованности данной конструкции с одновременным наложением на участников отношений дополнительных обязанностей по детальной проработке соответствующих оговорок, включая механизмы ответственности по ним.

Ключевые слова: антикоррупционная оговорка, противодействие коррупции, гражданско-правовой договор, деловая репутация, локальные акты, ответственность.

Реалии современного мира требуют упорядочения множества аспектов, возникающих в рамках договорных взаимоотношений хозяйствующих субъектов. Одним из направлений, требуемых к урегулированию в контексте современного гражданского оборота, а также складывающейся правоприменительной практики, реализуемой проверяющими и фискальными органами, выступает возможность реализации прямо или косвенно через договорные взаимоотношения коррупционных проявлений недобросовестного контрагента. При этом, функциональная нагрузка обозначенных мероприятий имеет превентивную функцию, направленную на минимизацию потенциальных рисков, связанных с вовлеченностью хозяйствующего субъекта в возможные коррупционные нарушения, реализуемые контрагентом [11, с. 38].

Отправной точкой нормативного регулирования в заданном аспекте следует признать введение статьи 13.3. в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», интегрирующая все организации, независимо от их природы и организационно-правовой формы, в единый процесс противодействия коррупции [14, с. 47].

В частности, данное законоположение установило комплексную обязанность для участников гражданского оборота по автономной разработке и внедрении в практику собственных (внутренних) стандартов и процедур, включая кодекс этики и служебного поведения работников, системно направленных на обеспечение добросовестной работы организации, и предотвращении и в случае возникновения, – урегулирование конфликта интересов, а также регламентацию сотрудничества организации с правоохранительными органами. Следует отметить, что в судебная практика исходит из того, что поименованные меры в п. 2 ст. 13.3. в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ должны быть реализованы в полном объеме, в противном случае будет иметь место административное правонарушение (в частности, такой вывод приведен в постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 13.09.2023 № Ф01-5418/2023 по делу № А31-7869/2022). Вместе с тем, комплекс мер, предполагаемых к реализации, исходя из обозначенной нормы права, носит пограничный характер, и в конечном итоге не может вторгаться в хозяйственную деятельность субъекта, ограничивая его права и интересы по отдельным направлениям, что в противном случае будет свидетельствовать о нарушении общих начал гражданского законодательства, а также принципа свободы экономической деятельности (Постановление ФАС Северо-Западного округа от 16.10.2019 № Ф07-11270/2019 по делу № А42-10287/2018), закрепленной в ст. 8 Конституции РФ и детерминированной в положениях п. 2 ст. 1, ст. 9 и 421 ГК РФ, являющихся частным проявлением такового [2, с. 130].

Формирование законодательства об антикоррупционной деятельности хозяйствующих субъектов базируется, среди прочего, на началах «чистой репутации» как базиса экономической основы общества, так как только при наличии необходимой репутации, достоверно подтвержденной для любого заинтересованного субъекта, возможно надлежащее функционирование государства в целом [16], а также предотвращение возможных финансовых кризисов экономического субъекта.

Имеющееся в настоящее время законодательство по противодействию коррупции преимущественно ориентировано на противодействие соответствующих негативных проявлений и явлений в сфере публичного управления, а уж в последующем – в частном секторе. Следует констатировать, что применительно к гражданско-правовым сделкам, анализируемое законодательство не содержит в какой-либо форме предписаний относительно необходимости инкорпорирования в структуры заключаемых гражданско-правовых договоров положений, направленных на борьбу с коррупционными проявлениями (антикоррупционной оговорки). Таким образом, применение такого рода договорных положений непосредственно легально не регламентировано, в следствии чего, отсутствует директивная обязанность включать соответствующие положения в гражданско-правовые договоры [9, с. 5].

Вместе с тем, большинство исследователей исходит из тезиса том, что гражданско-правовые договоры нуждаются во включении в свой состав специализированных положений, направленных на предотвращение возможных коррупционных проявлений, в том числе на аннулирование потенциальной аффилированности и других негативных проявлений [1, с. 19]. В своей общей массе такие положения относятся к механизму противодействия коррупции в целом, реципированные нашей правовой системой в контексте частных отношений, из иностранных правопорядков. Именно в силу этого контекст применяемых антикоррупционных оговорок, в большинстве случаев, является прямым переносом переведенных с иностранных языков отдельных законоположений зарубежных правопорядков, применяемых к предпринимательской деятельности [13]. В частности, первоначальная практика применения анализируемых контрактных условий сформировалась в русле англо-саксонского правовой семьи, характеризующейся большой вовлеченностью этических предписаний в правовую систему [15, с. 58].

Если говорить в общих чертах, то рассматриваемые контрактные условия, характеризующиеся как оговорки, представляю собой некую совокупность специальных правил, ориентированных на устранение возможности реализации участниками договорного отношения действий, характеризующихся коррупционными признаками, в процессе заключения и последующего исполнения заключенной сделки [9, с. 4]. Р.В. Иванов и В.А. Трубицына, конкретизируя приведенный тезис, отмечают, что такого рода условиями стороны обоюдно возлагаются на себя обязанности, связанные с недопущением в динамике договорного отношения, включая процессы обмена информацией, совершения действий, обладающих теми или иными характеристиками коррупции, включая взаимное информирование друг друга о случаях выявления подобных обстоятельств для предприятия действенных мер по нивелированию потенциально негативных последствий совершенного [7, с. 22].

Основой для формирования договорных положений, направленных на предотвращение проявления коррупционных аспектов, исходя из предписаний отечественного законодательства выступают локальные акты конкретного хозяйствующего субъекта. В этой связи, как обоснованно отмечается в литературе [5, с. 336], возникает вопрос о распространении локальных нормативных актов за пределы субъекта, его издавшего, и их применимости по отношению к третьим лицам, так как только при наличествующей связи определенного субъекта с соответствующим лицом формирует для него исполнять соответствующие нормы [6, с. 14].

Бесспорно, что объективная реальность свидетельствует о том, что реализуемое отдельными субъектами локальное нормотворчество расширяет круг потенциальных «адресатов» такой деятельности, за счет распространения принятых правил на внешних участников соответствующих отношений, по сути, навязывая последним локальные правила чужих субъектов [4, с. 38]. Применительно к крупным игрокам гражданского оборота наличествует ситуация «вмененной» для принимающей стороны регламентации локальными актами. В частности, как обоснованно отмечает С.В. Тимофеев, изменить соответствующие локальные акты вторая сторона практически бессильна, ввиду позиции субъекта, издавшего соответствующего акт, безусловного исполнения принятых типовых позиций, регламентированных локальными предписаниями [12, с. 84]. Подобное положение дел достаточно четко наблюдается в деятельности крупных участников хозяйственного оборота, например, кредитные и страховые организации, крупные ретейлеры и так далее.

Вместе с тем, действующее законодательство не обладает легальными предписаниями, позволяющими в одностороннем порядке распространить действие локального акта на лицо, не относящееся к соответствующему гражданско-правовому сообществу, в котором такой акт был принят. С учетом изложенного, применимость локальных актов к третьим лицам остается дискуссионной, а реализация антикоррупционных мер в договорных отношениях должна основываться на непосредственной согласованности (включенности) соответствующих положений в тексте конкретных договоров, либо формирования условий о принятии и согласии контрагента с локальными актами другой стороны в исследуемой части. Вместе с тем, необходимо отметить, что в ряде случаев правоприменительная практика не признает обязательным включение антикоррупционных условий в гражданско-правовой договор, даже при наличии локальных актов у одной из сторон (в частности, это указывается в: решении Арбитражного суда Республики Коми от 14.09.2018 по делу № А29-6475/2018; решении Арбитражного суда Чувашской Республики от 16.11.2022 по делу № А79-806/2022; решении Арбитражного суда Нижегородской области от 13.06.2023 и постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2023 по делу № А43-7386/2023.).

Несмотря на приведенные обстоятельства, следует согласиться с высказанным в литературе и поддержанным правоприменителем, тезис о том, что независимо от факта влечения или нет положений, обладающих направленностью на формирование антикоррупционных механизмов, участники гражданского оборота в любом случае обязаны соблюдать положения антикоррупционного законодательства, налагающие на них определенные обязанности [10, с. 80].

Анализируемые контрактные положения, как обоснованно отмечают некоторые авторы, создают юридические предпосылки для получения в последующем участниками договорных отношений сведений, относительно случаев какого-либо наращивания антикоррупционных требований, а равно как принятых решений, связанных с урегулированием таких конфликтных ситуаций и возможного применения различного вида юридической ответственности к виновным лицам [3, с. 90-93].

При этом, полагаем возможным согласиться с тезисом о том, что рассматриваемая конструкция оговорки должна обладать автономным (безакцессным) свойством. В частности, возможное последующее признание сделки недействительной по тем или иным основаниям, а равно как установление факта ее незаключенности, по своему легальному значению не должно распространять соответствующие паровые последствия в отношении имеющейся оговорки [8, с. 181]. В этой части условия должны иметь самостоятельный характер, распространяющий свое действие не только в отношении конкретной сделки, но и в целом на возникающие между субъектами взаимоотношения.

Иным дестабилизирующим фактором применения анализируемых договорных конструкций выступает то обстоятельство, что ни действующее законодательство, ни в большинстве случаев договорная практика, не содержат в себе механизмов, определяющих ответственность за нарушение обозначенных договорных положений. В большинстве случаев, включение анализируемой оговорки ограничивается перечислением определенных действий, которые нельзя совершать, но полностью не определена ответственность за их совершение. В целях устранения данного негативного явления в контрактных условиях для работоспособности исследуемой оговорки требуется формировать положения об ответственности виновной стороны за частичное или полное их неисполнение.

Исследование позволяет прийти нам к выводу о том, что договорные условия, направленные на предотвращение коррупционных проявлений в гражданско-правовых договорах, являются относительно новой, но востребованной конструкцией. Отсутствие четкой нормативной регламентации налагает на стороны обязанность по детальной их проработке, включая формирование механизмов ответственности за неисполнение соответствующих положений.

Список литературы:

1. Андреева Л., Китаев А. Юридическая техника: проблемы имплементации норм по противодействию коррупции // *Annali d'Italia*. 2020. № 9. С. 16-20.
2. Ахмедова З.А., Гамидова Э.Г. Соотношение принципа свободы договора и свободы экономической деятельности // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*. 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 127-132.
3. Беляева О.А., Трунцевский Ю.В., Цирин А.М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: научно-практическое пособие / отв. ред. И.И. Кучеров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ООО «юридическая фирма КОНТРАКТ», 2019. – 160 с.
4. Бляхман Б.Я. О некоторых противоречиях норм трудового права и интересов населения // *Трудовое право*. 2007. № 11. С. 35-39.
5. Вазанова О.С. Проблемы «внешней» применимости локальных нормативных актов // *Молодой ученый*. 2017. № 16 (150). С. 335-338.
6. Давыдова М.Л. Локальные нормативно-правовые акты: терминологические дискуссии // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 4. С. 4-24.
7. Иванов Р.В., Трубицына В.А. Антикрупционная оговорка в государственном контракте как средство профилактики коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд военных организаций // *Право в Вооруженных Силах – Военноправовое обозрение*. 2021. № 3. С. 21-26.
8. Михайлова Л.А. Оговорки в договоре трансграничного коммерческого представительства // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 10 (131). С. 174-183.
9. Орловская М.А. Антикрупционная оговорка в гражданско-правовых договорах // *Юридический факт*. 2019. № 73. С. 3-5.
10. Плотникова Д.М., Слободянюк М.В. Антикрупционная оговорка в договорах в фармацевтической индустрии // *Уральский журнал правовых исследований*. 2020. № 5. С. 78-83.
11. Снежко С., Самарский М. Спасет ли антикрупционная оговорка? // *Legalinsight* 2023. № 5 (121). С. 38-41.
12. Тимофеев С.В. Значение локальных корпоративных актов в правовом регулировании предпринимательской деятельности банков // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2011. № 8 (70). С. 80-87.

13. Третьяков К.Н., Зубаха Е.Н. Основания включения антикоррупционных оговорок в договор бурового супервайзинга // Проблемы геологии и освоения недр: труды XX Международ. симпозиума им. академ. М.А. Усова, посвящ. 120-летию со дня основания Томск. политех. ун-та. (Томск, 4-8 апреля 2016 г.): в 2 т. – Томск: Изд-во ТПУ, 2016. Т. 2. С. 1100-1101.

14. Тухватуллин Т.А., Русецкий А.Е. Противодействие коррупции в организациях: неопределенность закона в вопросе необходимого и достаточного набора профилактических мер и лучшие антикоррупционные практики российских компаний // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 5. С. 45-55.

15. Филатова Е.В. Антикоррупционная оговорка в гражданско-правовых договорах: теоретические и практические аспекты использования // Юридические исследования. – 2023. № 6. С. 56-65.

16. Wilkinson P. 10 Anti-Corruption Principles for State-Owned Enterprises (accessed 15 November 2017). Transparency International (Ed.) – 46 p. (DOI: 10.13140/RG.2.2.26737.33122).

